

A man with short grey hair and a light beard stands in a birch forest. He is wearing a grey zip-up jacket with dark blue accents on the shoulders and a blue t-shirt underneath. He is holding a birch tree trunk with both hands. The forest is filled with birch trees, and the ground is covered with fallen yellow leaves. The lighting is warm, suggesting late afternoon or early morning.

Я ВЕРНУСЬ

Анатолий Мерзлов

18+

Анатолий Мерзлов

Я вернусь

«Автор»

2026

Мерзлов А. А.

Я вернусь / А. А. Мерзлов — «Автор», 2026

В романе красной канвой проходит не самая легкая судьба девочки Матрены, впоследствии – Матильды, живущей в южном приморском городке. Как всегда у писателя Анатолия Мерзлова: правда и ничего кроме правды. Легкая художественная ретушь поможет вам достовернее и ярче представить события вокруг главного персонажа. В романе вы узнаете, как девочка из бедной семьи вырастает в достойную личность. Острые сюжеты не раз пощекочут вам нервы.

© Мерзлов А. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Мачеха	6
Глава 2.	10
Глава 3.	11
Глава 4	12
Глава 5	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Анатолий Мерзлов

Я вернусь

Писатель Анатолий Мерзлов, член международного союза писателей, академик МАНИ, профессор, автор множества социально значимых произведений, представляет на ваш суд остросюжетный социальный роман – «Я ВЕРНУСЬ» « том 1.

Аннотация.

В романе красной канвой проходит не самая легкая судьба девочки Матрены, впоследствии – Матильды, живущей в южном приморском городке. Как всегда у писателя Анатолия Мерзлова: правда и ничего кроме правды. Легкая художественная ретушь поможет вам достовернее и ярче представить события вокруг главного персонажа. В романе вы узнаете, как девочка из бедной семьи вырастает в достойную личность. Острые сюжеты не раз пощекочут вам нервы.

Я ВЕРНУСЬ.

ЧАСТЬ 1

Мачеха

Глава 1

Матреной она оставалась до той поры, пока не стала понимать, как серо и архаично звучит ее имя на фоне замысловатых имен ее лощеных, «упакованных» подружек: Лилиан, Сабрина, Лаванда, Лаура, Этель, Лайза.

- За что мне такое наказание?! Соображаю лучше, потому и тянутся ко мне?! А дальше, как клеймо: Матрена Ленкомовна!? - подобные нелегкие мысли ее, начинающую в не детском ракурсе познавать мир, посещали всегда по вечерам. У

ставшая после суетной работы мать, в это время парила млеющие ноги, в доставшемся еще от бабушки Матрены, помятом при трагических перипетиях бурной истории страны, алюминиевом тазу. Мать таскала почту. В этом же тазу, по бедности да не слаженности быта, случалось варить джемы – сладкоежка-Мотья их очень любила. К

онфеты оставались для них роскошью - на них не напасешься. Умачивая в тазу зудящие ноги, Мотьякина мать причитала о своей нелегкой участи. Говорила о гнусности наступившего времени, и о сопутствующем «всяком», вперемежку с ее, Матрены, настоящим и будущим. Каждый текущий вечер зеркально отражал события вчерашнего, за исключением редких дней, когда мама, нафактурив себя, пропадала на всю ночь.

От однообразия темы Матрена не воспринимала смысла, она слушала, как слушалось слушать при поездках к отцу, усыпляющий мерный выхлоп

двигателей парома. Под монотонное сопровождение она улетала вдаль парящей высоко над палубой чайкой. И потом еще долго, после скрежета старого расшатанного дивана, от укладывающейся на покой матери, оставалась в этой ставшей почти магической взвеси. Иногда она могла поклясться утром, что слышала все малейшие звуки ночи, хотя, казалось, и спала.

- Скоро выдадут паспорт! – тешилась этой мыслью Мотья.

Она твердо решила изменить свое имя, стать другой, кем угодно, лишь бы не Матреной. Звучание своего имени вызывало в ней, если не отвращение к нему, то, определенно, острую неприязнь. Зараженная страстью поиска, она листала случайные книги, внимательно читала сопутствующие фильмам титры, искала везде, где только можно, порой уподобляясь невротической гонке собаки за собственным хвостом. Ее задача оставалась неразрешенной еще долго. На глаза не попадалось ничего звучного, достойного ее внимания. Ответ пришел, как случается всякая находка, неожиданно. Мать, как всегда, брюзжала по поводу окружающих несоответствий, наставляя ее на путь истинный. Вспомнила Лилиан – дочь успешного в городе предпринимателя. Она называла ее не только за глаза, а и, не стесняясь, откровенно в лицо – Лилькой.

- Дурнушка-то забрюхатела от папашкиного вестового. А ей столько же, сколько тебе – пятнадцать. - Мотья знала, что Лилии стукнуло полные шестнадцать, но матери перечить не смела. - Для нее это, может быть, и подарок. Пока не потускнела – спешит. Мать Жанки поделилась со мной своими семейными горестями, – продолжала она скороговоркой.

Эти истории, несколько в другом подходе, Мотья слышала от нее неоднократно.

– Жанке, правда, шестнадцать, но там полный мрак – использовал заезжий армянин. Что сказать еще – шалашовка. Шофер-экспедитор у нас тоже армянин, но красавец, смугл, за испанца сойдет, учтивый такой – этот, еще куда бы ни шло. Она же подстелилась под инородца с авторитетным шнобелем. Ее мать, как увидела его «портрет», после признания о тягостях, не задумываясь, потащила к знахарке – вытравить вчистую даже напоминание о нем. А дальше, вишь, чем это пахнет? Слух здесь, что холодный ветер в щели нашего ветхого жилья –просачивается быстро. Кто в этом городишке теперь позарится на нее, разве что солдатик-срочник, сморчок какой не видный из задрипаного «мухосранска», да и то за ради видов на жилье в курортной зоне? И это будет для нее бо-ольшой удачей, а ведь есть задатки в личике, могла бы сделать удачную партию. Теперь куда ее путь-дорожка? По рукам! А Элька, не могу назвать ее благородной Этель, как себя переименовала, мать-то ее с блуда начинала. Яблочко от яблоньки недалеко катится. Повезло стержовозе: отхватила себе старикашечку, пупсика плешивого – не бедный. Бабы галдят по городу: видели твою прошмандовку Этель у трассы, с дальнотойщиками якшается... Сколько раз пропадала? Еще та, прости Господи... Жизнь-то, вишь, какова? Гляди – гнусь одна, не хочу и тебе такой же участи. Дозреешь - соображалка включится – выберешь достойное. Удавлтот вот этими руками, если что-то подобное затеешь. Успеется все, придет время. Врементко гнусное всему виной. Кинули людей на произвол страстей низменных. Дем-мократия долбаная!

«Вишь... вишь... вишь...» – и так каждый день без конца и края.

Монотонный голос матери, измученной повседневным графиком с подработкой, ради ухода от одного хлеба насущного, себе и Мотечке обновочку какую, да вкусенького изредка, уводил в знакомые дебри. Люди их жалели, сносили узлами к их порогу отвергнутые кичливыми чадами малоношенные вещи. Голос матери ее не раздражал, но всякий раз рождал отрешение от окружающего, часто переходящую в слезливую жалость к себе:

- Почему именно ей суждено родиться в такой семье?

Сегодня голос матери пыхтел парящими дымками из труб парома. Мотыка кивала, как болванчик, а сама находилась далеко – в книге. Подружка Этель дала ей, как сама выразилась, философскую французскую классику. Рекомендовала из всего тома – «Милый друг», где все коротко и понятно. Под нескончаемый монотонный наказ - урывками прочитала, дождала.

- Ничего особенного, у нас похлеще ываетт, - заключила она.

Их маленький городишко имел такой же, как и всё в нем, миниатюрный центр. В нем вмещалось две общности, две ее формации: роскошь и откровенная нищета. Находясь в извечном взаимодействии, красота стремилась ассимилировать собой достаток, а деньги – купить вседозволенность. Городец хранил прошлое и настоящее, современная история и откровенный архаизм сосуществовали в нем бесовским переплетением. Родной барачный коммунальный домишко на четыре семьи, в самом, что называется центре города, сохранялся ярчайшим архаизмом. Лето удачно скрывало его роскошью юга – зеленой стеной. Убожество пряталось на какое-то время за сплошным частотокотом цветущей сирени. А так как лишь лето привлекало сюда всемогущих функционеров с ностальгической закваской босотого прошлого – за зеленым частотокотом они не успевали разглядеть очевидной язвы на самом видном месте города. Зимой же унылый дворик сиротски замирал, в образовавшиеся просветы ветвей во всем неглиже, в ожидании теперь лишь божеской милости. Милости не от людей – от неба, чтобы стужа не разгулялась зимой более обычного, да не свирепствовали ветры, ибо худые двери и старые дощатые стены

плохо держали тепло. Милостью Господ Бога не позволил бы еще какого непредвиденного катаклизма. Что печально – к убожеству привыкли. Для повседневного окружения оно стало чем-то обыденным, вроде безысходности натюрморта с контейнером для отходов в переплетении солидных инфраструктур. Мать, отчаявшись ходить по инстанциям по поводу ветхости и непригодности жилья, как-то хотела спилить частокол, оголиться пришлому народу, но в последний момент одумалась, постеснялась жить на виду, как в неухоженном аквариуме, да и ожесточение было коротким – собачья жизнь стала привычной. Так они и существовали, любуясь чужим капиталом, растущим со скоростью мухоморов в расщелинах их разошедшихся ступенек.

Вечерами, особенно летом, когда тень посадки скрывала Матрену от гуляющих допоздна парочек, она таилась у стены, подхватывая с чужих уст случайные реплики. Иногда, под шорох листьев сирени, от припертых к ним спин, случались редкие, непонятные ей витиеватые обороты речи. Она украдкой наблюдала бесконечные поцелуи и скоротечные проявления любви безудержных влюбленных. Мотьке досталось от природы чувствительное, склонное к романтике сердце. Оно даже от слов чужого признания начинало трепетать. Матрена боялась внезапных концовок и спешила ретироваться в укрытие, в коридорчик их унылой комнатешки.

Бурный роман, и страстность одной из пар своим необыкновенным напором, приковал ее ноги к земле – она не успела спрятаться, как обычно при форсировании событий. В этот раз сюжет развивался крайне стремительно – она не успела даже приблизиться к ступенькам. Эти двое зашли далеко: протиснулись в прореху частокола, оказавшись в их двореке. Побег в этом случае раскрыл бы Мотькино присутствие – пришлось застыть в тесном углу строения, слившись с его тенью в каких-то четырех-пяти метрах от них. Мотьке недавно минуло пятнадцать лет. Ее ухоженные счастливые подружки из состоятельных семей влюблялись, почти у каждой была скрытая от общедоступного взора жизнь, а она, как истинная Матрена, в чужих, хороших еще обносках, искала ответ в своем неудавшемся имени и явно отставала от злосчастливого времени.

...Она отчетливо слышала, как возбужденное дыхание девушки проглотилось жадным поцелуем юноши. Матрена испугалась за них: стон их возбуждения могли услышать за изгородью. Забывшись в страсти, они отрешенно изливали свои чувства.

- Вот это любовь, – ахнула про себя Мотька.

А парень вдруг совершил непонятный молниеносный маневр. Путаясь в замысловатых фалдах платья подруги, поднял его, нырнув тут же к основанию ног. Судорожно заметался по ее телу, на ходу выпростав из проема платья ее дородные, белеющие в сумраке груди. Покрывая замысловатой вязью поцелуев, бормотал при этом что-то невразумительное. От увиденного Мотька открыла рот, она забыла дышать, а когда вспомнила об этом, от внезапного притока большой порции свежего воздуха в глазах потемнело. В радужном ореоле Мотькиного восприятия, подруга парня извивалась в объятиях, ей она представилась только что пойманной рыбкой. Казалось, случись сейчас сторонний наблюдатель, так они были увлечены любовью, и это не остановит влюбленных. Они упали тут же, на землю – Мотька в сгустившемся сумраке все же различала в переплетении ног и беспорядке одежды их белеющие малодоступности.

– Витечек, я тебя люблю, но у меня критические дни, – сквозь слившийся стон расслышала Мотька.

– Да-арагая, позволь между ножек, – дрожал его одышный голос.

Он внезапно оторвался от подруги, оставив ей полную свободу, изогнулся спиной в яростном порыве утомленного в хороводе собачьей свадьбы Бобика, застонал и стукнулся, обессиленный, спиной о стену совсем рядом с Мотькой – на нее пахло пересыщенным жаром его пылающего тела. Привалившись к стенке с закрытыми глазами, он, казалось, улетел неведомо куда. Его лицо устремилось к небу - он больше ничего не желал. Матрена побоялась от такой близости быть раскрытой, и со скоростью мышки метнулась за угол.

– Матильда, куда ты, я в порядке уже.

Наверное, сквозь забытие он принял ее за свою подружку.

...Когда Мотька, под заунывное бормотанье матери, заканчивала последние строчки романа, находя Гаспарини примитивным, ее вдруг осенило... Матильда!!! Она станет Матильдой – это созвучно ее имени, и ее полюбят, и захотят куда более возвышенно.

Глава 2.

Курили дымками трубы парома. На каникулах, когда Мотька была поменьше, мать сажала ее на паром на одной стороне залива – на другой встречал отец. Сейчас Мотька катила к нему на летние каникулы после окончания девяти классов. Последний раз он ее не встретил, по работе не смог, но матери она об этом не сказала.

- Что за телячьи нежности – она вполне в состоянии добраться сама, без провожатых.

Отец тогда уходил на путину. Мать считала отдых в сельской местности самым продуктивным, поэтому с завидной последовательностью отправляла ее к отцу каждые каникулы. А Мотька знала другое: ее отправляют подальше специально. Стоит ей уехать – в тот же вечер к ним заявляется этот мерзкий толстяк, дядька Юрка. Мотька как-то невзначай подслушала разговор матери с соседкой Верой Васильевой.

- Кобель, как большинство, но кому я еще нужна? Вся моя заслуга в том, что моложе его на десять лет – тем и тешится, отметится и пропадает. О каком ты говоришь союзе?

...После сцены, которую закатила Мотька им однажды ночью, дядька Юрка теперь решался прийти к ним изредка днем, в ее отсутствие. Мотька догадывалась об этом по грудке конфет на столе. Комнатешка, в которой они обитали с матерью, вмещала диван, Мотькину кровать и стол. Расхожая одежда висела на спинках кроватей, остальная – по чемоданам под кроватью. Телевизору, и тому внизу не осталось места – он завис на полке у них над головой. Был еще крохотный коридорчик – там находились кухонная плита и ведро с водой на шаткой табуретке, там же - подвесной шкафчик с посудой. Мать вначале пыталась создать какое-то подобие уюта: навесила кружевных занавесочек, оспины стен замаскировала поделками собственного изобретения – потом опустили руки. Мотька чувствовала, когда мать произнесет в очередной раз коронную фразу:

- Как же надоела эта нескончаемая колгатня, быстрее бы сдохнуть и не мучиться.

В это время Мотька смотрела ей в лицо, сочувственно кивая головой. Одни из былых украшений, давно потеряв свою первоначальную фактуру, еще продолжали наращивать слой пыли на стенах, другие - точили в подполье мыши. Спали они с матерью голова к голове. Проснувшись однажды ночью, Мотька услышала над ухом свистящий шепот матери и громкое сопенье дядьки Юрки. Она училась тогда в третьем классе. Мотька вскочила и увидела, как этот громила подмял под себя ее маму. От увиденного, она задохнулась в истерике. Ее стали урезонивать, отчего ей стало еще обидней. Мотька в голос, неуправляемо надрывно верещала, и продолжала до той поры, пока дядька не исчез за дверью с охапкой своей одежды.

Глава 3.

Отец работал в рыболовецкой артели в поселке на другом берегу залива. С матерью они не жили очень давно, сколько Мотья себя помнит, наверное, с самого дня ее рождения. Мать рассказывала ей об их совместном прошлом, и Мотья имела об этом свое особое мнение: «Да, от папки пахнет спиртным, но кому до этого есть дело, кому может быть плохо просто от веселого безобидного человека?» В себе она не поддерживала и даже осуждала мать: «Как можно из-за такой ерунды так возненавидеть человека, и уж совсем не понятно, как можно променять его на этого жуткого толстяка?! Отец всегда весел и разговорчив. Правда, у него никогда не водилось свободных денег, но он никогда и не наставлял, не зудел, как мать». Понятия «хорошее» и «плохое» у них с матерью разнились - Мотья это держала в себе. Она а не понимала в отце одного: что он имел в виду, когда в подпитии с явной тоской обращался к ней:

– Эх, если бы мы жили вместе, горы бы для тебя своротил.

Она не осмысливала, почему, например, нельзя «своротить горы» во время ее приезда к нему? С некоторых пор Мотья ощутила в себе два собственных «я»: одно официальное, в обиходе, другое - в себе. Изредка, при особом недовольстве, в возбуждении от несправедливости, второе «я» безудержным вулканом вырывалось из нее, и тогда мать со страхом трогала ее лоб.

...Высоко над головой парили чайки, подрагивала корма. Мотья думала о предстоящих каникулах, о рыбалке, о тамошних пацанах. Каких-то особых эмоций Мотье встреча не сулила – все для нее было знакомо и обыденно, но она, ради разнообразия, всегда ждала этой поездки. В лоб что-то шлепнуло. Она стрельнула по сторонам глазами и не нашла ничего удачнее, чем собрать гадость пальцем и отереть его о деревянный поручень ограждения. Мотья погрозила чайкам, спряталась под навес и продолжала с непонятной ей тоской смотреть на удаляющийся берег. На то место, где она только что стояла, оперлась о поручень парочка. Парень своей курткой коснулся испачканного Мотькой места. Три часа пролетели незаметно. Задрожала на маневре палуба – подруливали к причалу. Рельсы паррома тютелька в тютельку совместились с рельсами причала, на котором уже ждал тепловоз. Люди дружно потянулись на берег. Впереди маячила знакомая черная куртка парня с белой отметиной на рукаве. Мотья опешила до откровенного удивления, увидев на причале расфранченного при шляпе отца, гладко выбритого и слащаво пахнущего одеколоном. К его плечу жалась маленькая миловидная женщина с огненным сполохом рыжих волос на голове.

- Крашенная, похоже не злюка, - подумала Мотья.

Женщина протянула ей руку и без помощи отца представилась.

- Тетя Клава... - мачеха.

Мотья непроизвольно отшатнулась, но устоять против ее дружелюбного взгляда не смогла, и руку, помедлив, все же протянула.

Глава 4

Лето начиналось сухим, душным. Вечерами Мотька уединялась в выделенной ей каморке. Комнатка была хотя и маленькой, но для неприхотливой Мотьки казалась уютной, своей, в ней протекала своя сущность, без напряжений и позы. По вечерам, перед распахнутым настезь, во всю стену окном – оно выходило на обрыв с видом на ребристый язык бухты, Мотька слушала сверчков, ловила залетающих в створ окна слишком доверчивых, приклеивала их слюной к лицу, и корчила, в ушедшее в сумрак большое зеркало, рожицы. Иногда дурачась, украшала светлячками контуры созревающей груди. Мотька заметила: от прикосновения к их затвердениям ей делалось невероятно приятно, и она, оставшись одна, пробовала повторить случайно полученные ощущения. В полумраке каморки она становилась в профиль к зеркалу – луна таинственно очерчивала тонкий девичий профиль. Удовлетворившись своим силуэтом, Мотька начинала выделять телом невероятные пируэты, представляя себя восточной танцовщицей-обольстительницей. Гладила нежные места своих шупленьких полудетских ног, представляя ощущения ласками покоренного ею падишаха. Эти ритуалы влекли, и постепенно от безделья, и от доставшейся ей от природы особенной чувственности, стали носить упорядоченный характер. Дни тянулись беспечной чередой. Мотька за лето вытянулась. В противовес своим невысоким предкам, она стала походить на грациозную лань. Ее наивные глаза, под маской внутреннего противоречия, а порой и борьбы, неосведомленному казались томными, придавая ее внешнему образу загадочность. Взрослея внешне, внутренне она оставалась несмышленной наивной девчонкой. Все ее существо оготело стремилось к неведомым для нее новым познаниям. Отец пыжился, пытался эффектнее преподать финансовый достаток. За путину он получал реальную кучу денег. Раньше в доме в это время появлялось множество ненужных вещей, которые впоследствии постепенно исчезали. Отец не был жадиной, но то, что перепало Мотьке, так и оставалось у него до следующего приезда – это незатейливые безделушки, бижутерия, совершенно никчемная в городе – таких вещей собралось великое множество. В этот раз отец прифрантился сам, купил Клаве великолепное, все в блесках платье – вечером состоялся показ. Мотьке отхватили туфельки на высоком каблучке, о которых она давно мечтала. Мотька, как не сопротивлялась, найти в себе силы для отторжения пассивности отца не смогла. Клава не была похожа на злую мачеху, и, «о, кошунство», Мотьке все больше хотелось быть ее настоящей дочкой. За короткое время они сблизились – их отношения складывались в отношения задушевных подруг.

– Когда сам переживешь определенные тяготы, – говорила Клава, – начинаешь сочувствовать всем обиженным. Разве виноваты мы, что наши с тобой пути так необычно пересеклись?

В ее рассуждениях не чувствовалось фальши. Мотьку она, в действительности воспринимала, как равную. И ей хотелось подольше остаться с ней наедине, услышать в очередной раз, какое-нибудь новое для себя, ее женское откровение. Клава знала много, рассказывала захватывающе интересно. Если в прошлые годы Мотька коротала все каникулы с удочкой на причале, сейчас ей стало интересно находиться чаще дома. Перемены, произошедшие с отцом, она относила к заслугам Клавы. И в этом у нее не возникало сомнения. Раньше отец спускал все деньги за неделю, потом начинали незаметно исчезать вещи. Отныне Мотька видела в нем чудесную метаморфозу.

Глава 5

В августе, ближе к концу каникул, Клава устроилась на работу в местный рыбный цех. Она облачилась в холщовую робу, огромные резиновые бахилы, рыжие волосы шальными прядками стремились вон из-под грубого колпака. В этом одеянии Клава казалась совсем кнопкой. Иногда Мотька от безделья забредала на территорию цеха. Она в первый раз с трудом узнала в маленьком пугале миловидную Клаву. Одевание довершал безмерный, до самого пола, прорезиненный оранжевый фартук. У Мотьки от жалости к ней на глаза навернулись слезы, она едва не заплакала. Клава показалась ей такой незащищенной и несчастной - Мотьке захотелось сорвать весь «маскарад» и увести ее домой. Расчувствовавшись, не владея собой, она крепко обхватила Клаву двумя руками, уткнувшись лицом в воняющий рыбой фартук.

– Ты что, Мотечка, что с тобой? – отстранилась от нее Клава. – Иди, наслаждайся молодостью и свободой, все лучшее твое еще впереди. Тебя ждет лучшая участь. Утри лицо. Иди, иди, гуляй, скоро школа, вечером поговорим, – добродушно пожурела Клава.

От напоминания о вечернем общении Мотьке стало легче, пропал в горле соленый ком, и она благодарно улыбнулась ей и пошла на старый причал. На нем Мотька в прошлые годы обитала безвылазно. Как прежде, там сидели свесив ноги к воде, трое повзрослевших знакомых пацанов.

– Падай с нами, мочалка, где пропадаешь? – с ехидцей, откровенно оглядывая ее с головы до ног, съязвил один из них – упитанный крепыш. – Нонче, где тусуешься?

Мотька, фасонясь в новых туфельках, высокомерно хмыкнула, не удостоив его тон ответом.

– Смотри сколько натралили, сегодня везуха, – почтительно, с растяжкой, слегка заикаясь, смягчил другой – худощавый и голубоглазый.

- Васечек, ты всегда был мастуром, – так Мотька его всегда обзывала.

– Ты приехала... садись, – с откровенным к ней расположением, предложил он смятый под ним пиджак, – чистый, не бойся. Смотри, какой клев, перед штормягой всегда так. Хочешь? Есть записка, на, бери, – продолжал он возбужденно, не скрывая радость от ее появления.

При подкупающей интонации Мотька без колебания согласилась, на ходу разгораясь азартом. Она ловко насадила наживку и с лету булькнула тяжелый грузик в нужное место.

– Не разучилась? Мотька, ты сегодня какая-то сама не своя, – полушепотом, заискивающе заметил он.

Он определил перемену в ней. Вместе с высоким каблучком, Мотьке сегодня захотелось подняться выше обычного и своим содержанием: говорить нестандартно, литературно и образно красиво. И Мотька ответила:

– Я теперь всегда такая!

В руку отдавались легкие поклевки – мелочь терзала наживку. Вдруг ударило в руку, леска затрепетала. Мотька поспешила подсекнуть. Пацаны напряглись. Едва показав из воды огромную сплюснутую голову, с крючка сорвался солидный бычок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.